

Наталья Резник – привычно для неё – предлагает короткую справку об авторе, к чему приучила и редакторов. Строго, лаконично, сдержанно. Не будем отступать от её правил, потому что согласимся с её же убеждённостью: об авторе все необходимые сведения дают стихи. И почитатели её таланта знают о главных достоинствах поэзии Резник: ирония и самоирония поэта точнее всего передаёт состояние человека, боль и горечь существования.

Д. Ч.

* * *

Стихотворение живёт
В цепи мучительных беззвучий,
Освободиться ищет случай,
Никем не узнанное, рвёт
Пространство, тянется тревожно,
Ещё не воплотившись в речь.
И нужно только осторожно
Его из воздуха извлечь.

* * *

Из меня вырываются сотни кошмарных зверушек,
И рыдают, и просятся вон, в окружающий мир.
Это значит: я выросла, кончилось время игрушек,
Пионерии, школы, дворов, коммунальных квартир.
Это значит, закончилась прошлая жизнь понарошку,
Та, где мама и папа, с которыми всё нипочём.
Да, я взрослая: чищу на собственной кухне картошку,
Двери в собственный дом открываю своим же ключом.
И чудовища эти, которых не сыщешь капризной,

Бьются, мечутся, просят чего-то, исходят слюной.
Как я выросла поздно из детской игрушечной жизни!
И чудовища странные выросли вместе со мной.
Их незрячи глаза, а их зубы огромны и остры.
Слишком тесно во мне. Слишком громко рычат и ревут.
Выпускаю наружу безумных некормленных монстров.
Если рядом стоишь, не взыщи – и тебя разорвут.

* * *

За границей ветров и погодных прогнозов
Смены света и тьмы,
За пределами стойких январских морозов,
За границей зимы,
Надо льдами, снегами и холодами,
Только над и вовне
Я живу – в мире строчек и слов. И словами
Затыкаю щели в окне.

* * *

Я останусь каждой фразой,
Фотографией, штрихом.
Забывай меня не сразу
И не думай о плохом.
Думай, что союз непрочный
Было год не разорвать.
Забывай меня построчно –
Так труднее забывать.
Забывай меня, но долго.
А во мне на сотню лет
Ты останешься осколком
Справа, там, где сердца нет.

* * *

В детстве мне сутулиться
Мама запрещала,
И Тверская улица
Вся по швам трещала,

Если неуверенно
Я по ней гуляла,
Если вдруг, как велено,
Плечи расправляла.

Всё валилось, рушилось,
На куски ломалось
Там, где неуклюже я
Просто распрямлялась.

И чужие стены я
Походя разбила.
Места мне, наверное,
Слишком мало было.

АНЕ

Помнишь блики тротуаров
В самом первом сентябре?
В коммуналке – Аристаров,
В третьем, маленьком, дворе.

Во дворе газон неяркий,
Не украшенный травой.
Выбегает из-под арки
Женька Курочкин. Живой.

Вон ты: голые колени.
Без очков или в очках?
Солнцу радуется Ленин
С октябрятского значка.

Стану в сорок раз бездомней
Водку вылакав до дна,
Если ты не вспомнишь.
Вспомни! Я не выдержу одна.

* * *

Весёлый мальчик пухлыми губами
Бормочет непонятное, смеясь,

Тряпичных кукол сталкивая лбами,
Солдатики отбрасывая в грязь.

Когда шалун забудется в кровати,
Зажав конфету в маленькой руке,
Мы встретимся, измученный солдатик,
Среди игрушек в старом сундуке.

НЕВСКИЙ

Невский состоит из шумов и обрывков слов,
Толпы, автобусов, машинных гудков.
Я лечу по нему над тысячами голов,
Над устойчивой враждебностью трёх веков.

Я чужая здесь, быть не могу чужей,
Боюсь, что меня давно выдают уже
Голос, глаза, нос, форма ушей
И запись ужасная в паспорте – «ПМЖ».

Я волос, как сказал поэт, не брала у ржи,
Я вообще легко приживаюсь в любой среде.
Мне всё равно, всё равно, всё равно, всё равно, где жить.
Но я не могу родиться больше нигде.

* * *

Где закопан дар лирический
Под асфальт двухслойный,
Где направо сад Таврический,
А налево – Смольный,

Где орали друг на друга мы
Дико и истошно,
Где и весело от ругани
Было нам, и тошно,

Там, где с коммунальной площади
Некуда деваться,
Где я, длинная и тощая,
Праздновала двадцать,

Где бессилием измерена
Ненависть к Отчизне,
Я вернусь туда – уверена –
В следующей жизни.

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Пишет красавица чудовищу письмо
Про хозяйство, детей, завтраки и обеды,
Мол, ты уж расколдуйся как-нибудь пока само,
В этот раз, к сожалению, не приеду.

Отвечает чудовище красавице,
С трудом заставляя писать свою мохнатую руку:
«Рад наконец от тебя избавиться,
Видеть тебя не могу, проклятую суку!
Не приезжай, ненавижу тебя всё равно
За то что, устал столько лет без толку дожидаться,
За то, что понял давным-давно,
Что не в силах самостоятельно расколдоваться».

Пишет красавица чудовищу: «Не хочу тебя больше знать,
Гад, мерзавец, подлец! (и всякие другие ругательства).
Ты же обещал, что всю жизнь меня будешь ждать.
Не ожидала от тебя подобного предательства.
Будь ты проклят, невменяемый зверь.
Ты же клялся, что будем непременно вместе.
Ну, держись, завтра же приеду теперь,
Выдерну остатки твоей свалявшейся шерсти».

Пишет чудовище: «Прости за звериную бесчеловечность,
Я же чудовище, человечности не учился.
У меня впереди в самом деле целая вечность,
Не знаю, почему внезапно погорячился».

А жена чудовища говорит: «Опять пишешь своей одной?
Хочешь со свету меня сжить, урод и скотина?»
И чудовище плачет рядом со своей женой,
А она чешет ему его горбатую спину.

А красавица читает ответ,
Меняет дату на затёртом билете,

Как обычно, встаёт чуть свет,
Работает, готовит, улыбается детям.
И сходит, сходит, сходит, сходит с ума
До следующего письма.